

ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

УДК 72.01:130

Научная статья

Марина Петровна Назарова ✉

д-р филос. наук, профессор каф. философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ). Россия, 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1;
e-mail: nmp.34@yandex.ru

ГРАНИЦА КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АРХЕТИП

В статье раскрывается один из основополагающих пространственных архетипов — архетип границы. Актуальность рассмотрения данного понятия обусловлена необходимостью формирования архитектурного пространства современного города с учетом архетипических форм, которые воспринимаются субъектами как безусловно позитивные, что важно для создания комфортной городской среды. Цель статьи — социокультурный анализ архетипа границы, который, по мнению автора, является основополагающим для его теоретического осмысления. Выявлена социокультурная роль «фронтирного пространства» и значение архетипа границы для формирования «переходных пространств» и многофункциональных общественных пространств современного города. Автором дается определение архетипа границы и приводятся примеры его роли в формировании архитектурного пространства.

Ключевые слова: архитектурное пространство, архетип, граница, периферия, столица, провинция, фронтир, переход.

Для цитирования: Назарова М. П. Граница как пространственный архетип // Социология города. 2024. № 3. С. 5—13. DOI: 10.35211/19943520_2024_3_5

Введение

Изучение архитектурного пространства предполагает обращение к символическим контекстам и архетипически обусловленным формам организации пространства. Что собой представляют пространственные архетипы? Содержательного единства в научной литературе в отношении понятия пространственного архетипа нет. По большей части мы имеем случайное

использование данного термина. В частности, в рамках архитектурной теории понятие «пространственный архетип» вводят как вспомогательный инструмент для объяснения других феноменов, не принимая во внимание их собственный смысл и значение в социокультурном контексте (Иконников, 1985; Раппапорт, Сомов, 1990). Л. Ю. Фуксон к числу пространственных архетипов относит «дом» и «путь» (Фуксон, 2014). Е. В. Байкова, М. А. Светличная пишут о «доме», «храме», «дворе» и «саде» (Байкова, Светличная, 2020).

Под пространственными архетипами мы предлагаем понимать транслируемые на протяжении тысячелетий архетипические пространственные образы, закрепленные в архитектурных объектах. Архетипы не принадлежат какому-либо одному времени, они были в прошлом, настоящем и будущем. Они не принадлежат какой-то одной культурной среде; их встроенность в разные социокультурные контексты не противоречит смысловой устойчивости и узнаваемости. На данном этапе исследования пространственных архетипов в социокультурном контексте требуют рассмотрения такие базовые, на наш взгляд, как архетип границы, центра, пути. Не менее значимыми являются такие устойчиво повторяющиеся геометрические формы, как квадрат и круг, которые с архаических времен соотносимы с идеальной устойчивой пространственной структурой, символизирующей социальное в противоположность природному. Квадрат является символом земли, тогда как круг соотносим с божественным началом и символизирует небесную гармонию в ее движении (колесо). Два последних архетипа требуют отдельной и более детальной проработки как в категориальном поле теории архитектуры, так и философской рефлексии.

Анализ пространственных архетипов предполагает два пути. Первый состоит в обращении к методологии К. Юнга, который вводит данное понятие в научный оборот и дает ему психологическое обоснование. Второй предполагает историко-культурный подход к архаическому сознанию, что дает ключ к раскодированию целых мировоззренческих блоков и пониманию истоков архетипов архитектурного пространства, до сих пор оказывающих влияние на мировосприятие человека.

Одним из основополагающих пространственных архетипов является архетип границы, который уже привлекал к себе внимание исследователей, в том числе становясь предметом случайной архитектурной рефлексии (Раппапорт, 2022: 124) или вольной «философской» интерпретации (Иванов, 2008). Но, на наш взгляд, современные геополитические реалии актуализируют исследование представленного архетипа в социокультурном контексте. Таким образом, целью статьи является социокультурный анализ архетипа границы. В своем анализе мы акцентируем результаты авторских исследований, отраженные ранее в монографии и докторской диссертации (Назарова, 2011; Назарова, 2013).

Архетип границы в культуре

Любая культура разделяет мир на внутреннее («свое») пространство и внешнее («чужое»), что начиная с архаического периода развития общества является базовым элементом для формирования общественного сознания. В архаическом обществе только членство в роде было для индивида единственной возможностью его физического существования в мире. Космос древне-

го человека ограничивался его общиной, вне которой располагался враждебный Хаос. Архетип границы хорошо прослеживается в мифологии архаического общества как процесс разделения ранее неразделенного, «разграничение ранее неделимого Хаоса, который именно в силу своей неразделенности не есть пространство, а есть не-пространство» (Вейнберг, 1986: 60—61). Для древнего человека все пугающее располагается вне его внутреннего мира.

В мифологическом пространстве реальность была отделена от воображаемого мира. Это была своеобразная граница, и отношение к ней было двойственным. «Поскольку люди обретали там бессмертие и особое могущество, а населявшие его существа часто оказывали людям благодеяния, оно вызвало чувство преклонения. Но оттуда же в населенный людьми мир вырвались страшные, неодолимые силы, подрывавшие благополучие народа. И в таких случаях оно внушало ужас. Постепенно из столь двойственного отношения к мифическому миру возникнет его расслоение на две сферы — положительную и отрицательную, Ад и Рай» (Иорданский, 1982: 38).

Внутренний мир воспроизводит космос, а по ту сторону границы располагается хаос, антимир, где обитают чудовища или люди, которые связаны с inferнальным миром. «За чертой поселения должны жить в деревне — колдун, мельник и (иногда) кузнец, в средневековом городе — палач. В антипространстве живет разбойник: его дом — лес (антидом), его солнце — луна („воровское солнышко“ по русской поговорке)» (Лютман, 2000: 189). В современном мире в ряде случаев внутреннее пространство («свое») сужается до реальности собственного «Я», тогда как чужим становится весь окружающий мир.

Границу можно определить как черту, отделяющую порядок от хаоса, «свое» от «чужого», «безопасное» от «враждебного», живое от мертвого, город от деревни, естественное от искусственного, сакральное от профанного. Так, граница может носить социальный, конфессиональный, государственный, национальный или какой-либо другой характер. Граница может пониматься как элемент модели мироустройства с разделением на внутреннее, где «Я», и внешнее, где «не-Я». Тем самым граница — это больше чем пространственный факт, это пространственно оформленная социальная реальность.

Как проявляется такого рода разделение в реальной пространственной среде? Ограда двора, крепостная стена, квартал, площадь — примеры пространственных границ, функция которых сводится к ограничению проникновения «чужого» элемента. Город также разделен на условные, зачастую символические границы. Город — это та же граница, разделяющая и противопоставляющая внутреннее и внешнее, городское и сельское. Этимологическое значение слова «город, град» — ограда, граница, преграда, защита, укрытие. «Обозначение границ, пределов, строительство оградительных (пограничных) линий связано, прежде всего, со стремлением человеком жить в священном пространстве, является средством обозначения (а потому и организации, и упорядочения) „своего мира“» (Домников, 2002: 42).

В современной системе социальных взаимоотношений мы имеем свободу пространственных перемещений, т. е. любой житель города может посетить любую его точку. Но как показали исследования американского ученого К. Линча, обитатели бедных кварталов крупнейших городов никогда не были в парадной части города и не имеют ясного представления о нем. В каждом

крупном городе совершаются локальные перемещения, когда движение не выходит за границы кварталов или районов. Имеем ли мы в таком случае дело с единым социальным образованием, которое называем городом? Таким вопросом задаются исследователи социологии города.

Центр — периферия

Архетип границы вычленяет оппозиции «провинция — столица», «центр — периферия». Здесь также работает архетип границы, разделяющий два мира: мир провинции и мир столичных городов. Любая социальная общность как в пространственном, так и в социально-ценностном контексте имеет «центр» с четкими границами и «периферию». «Центр» выполняет функции сакрального ядра, и именно поэтому ему необходимы четко очерченная граница, роль которой выполняют архитектурные объекты, если мы имеем дело с городской средой, и природные границы, когда мы говорим о сельском поселении. Социокультурное пространство, таким образом, визуально и функционально подвержено сакральной маркировке.

Граница необходима, поскольку, к примеру, «центр» архитектурного пространства города регламентирует и транслирует социально значимые ценности общности. Именно там происходят радикальные изменения архитектурного пространства в связи с изменениями социально-ценностных установок общества, будь то социальные эксперименты или новации. На периферии мы наблюдаем культуру повседневности, где изменения могут не происходить достаточно длительное время.

Так, если обратиться к оппозиции «столица — провинция» (см. также: Назарова, 2023: 8—10), то архитектурное пространство малых городов не изменялось столетиями, тогда как столичные города подвергались архитектурным модернизациям под влиянием новой социально-политической парадигмы. На примере провинциальных городов можно проследить типические черты жизни общества во времени, в то время как на примере архитектурных объектов столичных городов прослеживается история политических преобразований.

Архитектурное пространство столицы, являясь символом государства, выполняет функцию материального носителя информации о социально-экономических и историко-культурных аспектах развития страны. К архитектурному образу столицы предъявляются специфические требования, связанные с главной столичной функцией — представлением государства. Статус столицы подразумевает архитектурные новации, необходимые для поддержания «столичного статуса», что в свою очередь приводит зачастую к радикальным и достаточно спорным переменам в пространственно-художественном образе города.

С середины XX в. в рамках консервационной теории и практики в международном сообществе специалистов была провозглашена необходимость рассмотрения такого феномена культурного наследия, как «исторический город». В данном контексте исследователи признали специфику архитектурного пространства малых городов, ценность их сохранения и стремление минимизировать архитектурные эксперименты, которые могут разрушить данный социокультурный феномен.

Граница как фронтир

Любая граница может трактоваться как барьер, разделяющий культуры, но может восприниматься и в качестве особой контактной зоны — фронта. Понятие фронта, введенное впервые в научный оборот В. Тэрнером (Тэрнер, 1983: 123), впоследствии развивалось другими исследователями. Предлагались интерпретации понятия «фронтир». Так, американские исследователи Ламар и Томпсон предложили такое определение фронта: «Мы понимаем фронтир как пространство, где происходит взаимопроникновение между обществами... Фронтир открывается в момент первого контакта между представителями обществ и закрывается, когда единая власть устанавливает политическое и экономическое господство над ними» (The Frontier..., 1981: 78).

Именно на периферии (границе, фронтуре) зарождаются те процессы, которые в дальнейшем приводят к радикальным изменениям. Интенсивность социокультурных процессов на периферии связана с тем, что, поскольку она — пограничье, именно там происходят постоянные вторжения в нее извне. Граница двусторонняя, и одна сторона ее обращена во внешнее пространство. Например, культурная модель донских казачьих сообществ формировалась в условиях специфической зоны, пограничья — Дикого поля, что и определило их специфическое социокультурное образование. Дикое поле исторически служило буферной зоной между степью и лесом, кочевниками и славянами, христианством и мусульманством. Дикое поле — это также часть так называемого Каспийского коридора, по которому еще с эпохи бронзы нескончаемыми потоками двигались волны кочевников (иранцев и тюрков), идущих из азиатских степей. Дикое поле — это своего рода «коридорное пространство», в котором в течение столетий «сквозило» в этническом и культурном плане. Очевидно, в условиях пограничья Дикого поля могли удерживаться лишь некоторые категории населения, обладавшие определенными культурными стереотипами. Они сознательно уходили за пределы устоявшихся социальных образований, пытаясь возродить на новом месте те социальные формы, в которых любые устойчивые социальные нормы игнорировались. Таким образом, Дикое поле дало начало сообществу донских казаков, создавших самобытную мужскую и «пограничную» культурную модель. Несомненно, что условия пограничья определили появление специфического социокультурного образования — донского казачества (Рыблова, 2002: 16). Роль архетипа границы в приведенном примере не вызывает сомнения.

Достаточно интересна роль фронтальных зон в современной городской среде, специфика архитектурного пространства данных зон и корреляция их с социальными процессами, происходящими в городском сообществе. Как нам представляется, эта тема актуального исследования в области социологии города.

Архетип границы, который включает в себя как пространственные, так и социальные преграды, наиболее полно фиксирован в архитектурных объектах. Архитектурное пространство связано не только с физическим перемещением человека и с воображаемым преодолением тех или иных границ. Граница, ограничивающая определенное пространство и разделяющая его на внутреннее и внешнее, мыслится как процесс перехода. По мнению И. Араухо, первый шаг на пути познания пространства — это изучение замкнутого пространства. Под ним мы подразумеваем «место или пространство в рамках определенных границ» (Араухо, 1982: 46).

Таким образом, исследование фронтальных пространств требует самостоятельного исследования. Можно допустить, что такого рода межкультурные зоны, где происходит активный обмен культурными традициями, имеет большой инновационный потенциал для социокультурных процессов.

Граница как «переход»

Т. Б. Щепанская, исследовавшая процесс социального управления, разворачивающийся в условиях неопределенности, оперировала понятием «семантической пустоты» (разрывы, переходы, промежуточные области), отмечая, что пустота является необходимым условием для разворачивания новых структур и смыслов (Щепанская, 1995). Позднесредневековые географические карты также включают в себя «окраинные земли», населенные миксантиропическими существами — ацефалами, кинокефалами, деревьями с головами людей, антропоморфными горами (Гукова, 1986).

В архитектурном пространстве современного города архетип границы выявляется и в отдельных архитектурных объектах, в так называемых переходных пространствах, к которым относятся пассажи, торговоразвлекательные центры и аналогичные доступные горожанам многофункциональные общественные пространства. Такие архитектурные объекты в современном архитектурном пространстве города являются как архитектурной, так и социальной доминантой. Их отличает динамичность эксплуатации, активная коммуникативная составляющая, защита от неблагоприятных факторов городского окружения, сервисное обеспечение повседневных запросов населения, высокая социально-экономическая эффективность и адаптивность к различным видам деятельности.

Многофункциональные архитектурные объекты, являясь открытым общественным пространством, представляют своеобразную границу мира реального города и глобального мира, поскольку «в условиях глобализации пространство мест со структурой „центр — периферия“ меняется на пространство потоков со структурой „сеть – узлы“». Сетевые структуры, к которым относятся как архитектура данных объектов, так и их функциональное назначение, играют роль инструмента глобального управления. Происходит де-территориализация с потерей привязки происходящих социальных процессов к реальному архитектурному пространству. На сходный эффект указывал Лотман: «те, кто находится ниже черты социальной ценности, располагаются на границе предместья, сама этимология русского слова „предместье“ означает „перед местом“, то есть перед городом, на его пограничной черте. В смысле вертикальной ориентации это будут чердаки и подвалы, в современном городе — метро. Если же центром „нормального“ жилья делается квартира, то пограничным пространством между домом и вне-дома становятся лестница, подъезд. Не случайно именно эти пространства становятся „своими“ для „пограничных“ (маргинальных групп общества: бездомных, наркоманов). К пограничным местам относятся места общественного пользования в городах, стадионы, кладбища» (Лотман, 2000: 267).

Таким образом, для индивида посещение таких объектов представляет собой «выход» за пределы его социокультурной модели и потерю его культурной идентичности, а данный архитектурный объект есть своего рода граница, разделяющая два социокультурных пространства.

Заключение

Пространственные архетипы являются базовыми ориентирами, предзаданными элементами создаваемых архитектурных форм, которые любым субъектом восприятия фиксируются как позитивные. В современных реалиях, когда создание комфортной среды жизнедеятельности человека является приоритетной задачей, выявление архетипических форм и их трансляция в градостроительных практиках, на наш взгляд, требует профессиональной рефлексии.

Почему необходимо учитывать архетип границы при формировании архитектурного пространства? Это связано со значением искусственно созданной среды для человека — архитектурного пространства, с одной стороны, и со стремлением людей находиться в пределах «своего» пространства, с другой. Создание архитектурных объектов, не учитывающих особенностей пространственного восприятия и желания человека «ограничить» обжитое пространство, приводит к негативному восприятию архитектурного пространства, к чему не может стремиться ни один архитектор и градостроитель. Отсутствие пространственной архетипической составляющей, на наш взгляд, приводит к социальным трансформациям, которые сложно корректировать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Араухо И.* Архитектурная композиция. М.: Высшая школа. 1982. 207 с.
- Байкова Е. В., Светличная М. А.* Архетипы художественного формообразования в контексте архитектуры — дом и храм // *Обсерватория культуры*. 2020. Т. 17. № 1. С. 36—46. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-36-46
- Вейнберг И. П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 208 с.
- Лукова С. Н.* К вопросу об источниках карты мира Козьмы Индикоплова // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков*. Л.: Наука, 1986. С. 62—74.
- Домников С. Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Логос, 2002.
- Иванов А. В.* Культурный феномен границы в бытии европейских и евразийских народов // *Мир науки, культуры, образования*. 2008. № 2(9). С. 43—47.
- Иконников А. В.* Искусство, среда, время. М.: Советский художник, 1985. 336 с.
- Иорданский В. Г.* Хаос и гармония. М.: Наука, 1982. 344 с.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000.
- Назарова М. П.* Архитектурное время: попытка концептуализации // *Социология города*. 2023. № 3. С. 5—13. DOI: 10.35211/19943520_2023_3_5
- Назарова М. П.* Архитектурное пространство как социокультурный феномен: дисс... д-ра филос. наук. Волгоград, 2013. 320 с.
- Назарова М. П.* Социокультурные архетипы в структуре архитектурного пространства: монография. Волгоград: Волгогр. гос. архит.-строит. ун-т, 2011. 240 с.
- Раппапорт А. Г., Сомов Г. Ю.* Форма в архитектуре: Проблемы теории и методологии. М.: Стройиздат, 1990.
- Раппапорт А.* Путь к дому // *Проект Байкал*. 2022. Т. 19. № 73. С. 122—127. DOI: 10.51461/pb.73.22
- Рыблова М. А.* Представление о «своей» земле и особенности освоения пространства в донской казачьей традиции // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год*. Дикаревские чтения. Краснодар: Крайбикколлектор, 2002.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Прогресс, 1983. 277 с.

Фуксон Л. Ю. Пространственные архетипы // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 1. С. 9—15.

Щепанская Т. Б. Странные лидеры. О некоторых традициях социального управления у русских // Этнические аспекты власти. СПб.: Эдиториал, 1995. С. 211—240.

The Frontier in History: North America and Southern Africa Compared / Ed. by Howard Lamar, Leonard Thompson. New Haven and London: Yale University Press, 1981. Xii + 360 p.

Research Article

Marina P. Nazarova✉

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Sociology and Psychology Department, Volgograd State Technical University (VSTU). 1, Akademicheskaya st., Volgograd, 400074, Russia;

e-mail: nmp.34@yandex.com

THE BORDER AS A SPATIAL ARCHETYPE

Abstract. The article reveals one of the fundamental spatial archetypes — the archetype of the border. The relevance of considering this concept is due to the need to form the architectural space of a modern city, taking into account archetypal forms that are evaluated by subjects as unconditionally positive, which is important for creating a comfortable urban environment. The purpose of the article is a socio-cultural analysis of the archetype of the border, which is fundamental for its theoretical understanding. The sociocultural role of the “frontier space” and the importance of the archetype of the border for the formation of “transitional spaces” and multifunctional public spaces of a modern city are revealed. The author defines the archetype of the border and provides examples of its role in the formation of architectural space.

Key words: architectural space, archetype, border, periphery, capital, province, frontier, transition.

For citation: Nazarova M. P. (2024) The border as a spatial archetype. *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no. 3, pp. 5—13 (in Russian). DOI: 10.35211/19943520_2024_3_5

REFERENCES

Araukho I. (1982) *Arkhitekturnaya kompozitsiya* [Architectural composition]. Moscow: Vysshaya shkola. 207 p. (in Russian).

Baykova E. V., Svetlichnaya M. A. (2020) Archetypes of Artistic Form Making in the Context of Architecture — the House and the Temple. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], vol. 17, no. 1, pp. 36—46 (in Russian). DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-36-46

Domnikov S. D. (2002) Mat'-zemlya i Tsar'-gorod. *Rossiya kak traditsionnoe obschestvo* [Mother Earth and Tsar City. Russia as a Traditional Society]. Moscow: Logos (in Russian).

Fukson L. Yu. (2014) Spatial archetypes. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plotology and plotography], no. 1, pp. 9—15 (in Russian).

Gukova S. N. (1986) On the Sources of the World Map of Kozma Indicoplov. *Problems of social history and culture of the Middle Ages* [Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury Srednikh vekov]. Leningrad: Nauka. Pp. 62—74 (in Russian).

Ikonnikov A. V. (1985) *Iskusstvo, sreda, vremya* [Art, environment, time]. Moscow: Sovetskii khudozhnik. 336 p. (in Russian).

- Iordansky V. G. (1982) *Khaos i garmoniya* [Chaos and Harmony]. Moscow: Nauka. 344 p. (in Russian).
- Ivanov A. V. (2008) The cultural phenomenon of the border in the existence of European and Eurasian peoples. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], no. 2, pp. 43—47 (in Russian).
- Lamar H., Thompson L. (eds.) (1981) *The Frontier in History: North America and Southern Africa Compared*. New Haven and London: Yale University Press. xii + 360 p.
- Lotman Yu. M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo – SPB (in Russian).
- Nazarova M. P. (2011) *Sotsiokul'turnye arkhetypy v strukture arkhitekturnogo prostranstva: monografiya* [Sociocultural archetypes in the structure of architectural space: monograph]. Volgograd: Volgograd state University of Architecture and Civil Engineering. 240 p. (in Russian).
- Nazarova M. P. (2013) *Arkhitekturnoe prostranstvo kak sotsiokul'turnyi fenomen* [Architectural space as a sociocultural phenomenon. Dr. of Phil. Sci. Diss.]. Volgograd. 320 p. (in Russian).
- Nazarova M. P. (2023) Architectural time: attempt of conceptualization. *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no. 3, pp. 5—13 (in Russian). DOI: 10.35211/19943520_2023_3_5
- Rappaport A. (2022) Road to home. *Proekt Baikal* [Project Baikal], vol. 19, no. 73, pp. 122—127 (in Russian). DOI: 10.51461/pb.73.22
- Rappaport A. G., Somov G. Yu. (1990) *Forma v arkhitekture: Problemy teorii i metodologii* [Form in Architecture: Problems of Theory and Methodology]. Moscow: Stroizdat.
- Ryblova M. A. (2002) The concept of “one’s own” land and the peculiarities of space development in the Don Cossack tradition. *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2001 god. Dikarevskie chteniya* [Results of folklore and ethnographic research of ethnic cultures of the North Caucasus for 2001. Dikarev readings]. Krasnodar: Kraibibkolektor (in Russian).
- Shchepanskaya T. B. (1995) Strange leaders. On some traditions of social management among Russians. *Etnicheskie aspekty vlasti* [Ethnic aspects of power]. Saint Petersburg: Editorial. Pp. 211—240 (in Russian).
- Turner W. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow: Progress. 277 p. (in Russian).
- Veinberg I. P. (1986) *Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka* [Man in the culture of the ancient Near East]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva “Nauka”. 208 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 17.09.2024

Принята в печать 14.10.2024

Received 17.09.2024

Accepted for publication 14.10.2024